

2480

4
c 19

ВОПРОСЪ

объ

ОБЩЕСЛАВЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ

въ рѣшеніи А. С. Щудиловича.



(По поводу книги г. Будиловича Антона „Общеславянскій языкъ“. Т. I, II. Варшава 1892 г. 436 + 374 стр.).

Прив. доцента Славяновѣдѣнія

А. Степовиця.



КІЕВЪ.

Типографія И. И. Чоколова. Мало-Житомирская ул., д. № 4-й.
1895.

84
C 79

ВОПРОСЪ

объ

общеславянскомъ языке

въ решеніи А. С. Щудиловича.



(По поводу книги г. Будиловича Антона „Общеславянскій языкъ“. Т. I, II. Варшава 1892 г. 436 + 374 стр.).

Прив. доцента Славяновѣдѣнія

О. Степовиця.



b 13906
13695

ДОПОДА
СС

ФІНАР АМОННЯДЛЯШАС

зиновіїв  А. Головацька

Дозволено Цензурою. Київъ, 30 Сентября 1895 года.

Державна Публічна
БІБЛІОТЕКА УРСР

НВ.

ВОПРОСЪ ОБЪ ОБЩЕСЛАВЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ ВЪ РѣШЕНИИ А. С. БУДИЛОВИЧА *).

(По поводу книги А. Будиловича Антона: «Общеславянский языкъ». Т. I. П. Варшава 1892 г. 436 + 374 стр.).

Сочиненіе г. Будиловича, какъ извѣстно, увѣнчано первой Кирилломеѳодіевской наградою и заслуженно: труда составитель потратилъ бездну, начитанность обнаружилъ огромную и вообще своею работой оказалъ большую услугу русско-славянской наукѣ! Если же все таки и при всемъ этомъ въ его книгѣ оказалось значительное количество промаховъ и ошибокъ—нѣкоторые изъ нихъ будуть указаны ниже,—то въ работѣ такого рода, то есть сложной и многообразной, иначе и быть не могло: силы одного лица слишкомъ ограничены, а помочь ему со стороны многихъ другихъ лицъ, упомянутыхъ авторомъ съ благодарною признательностью въ предисловіи (къ читателю), была, конечно, такого свойства, что окончательно избавить книгу отъ разныхъ промаховъ, ложныхъ взглядовъ и т. п. не могла.

Основная, руководящая мысль книги выражена составителемъ въ послѣдовательномъ слѣдующимъ образомъ (по разсмотрѣніи разныхъ историческихъ данныхъ) „... не можемъ сомнѣ-

*) Докладъ, читанный въ засѣданіи Историч. Общ. Нестора Льтвина 31 Янв. 1893 г.

ваться въ тожествѣ законовъ развитія восьмаго общаго языка, славянскаго, съ семью другими (Греческій, Латинскій, Итальянскій, Французскій, Нѣмецкій и Англійскій яз.)" И далѣе: у Славянъ "языкъ всего племени раздѣляется на три діалектическія группы, распадающіяся на дюжину нарѣчій. Срединное положеніе между группами занимаетъ восточная, или русская; лѣвымъ крыломъ ея служать нарѣчія южныя, правымъ—западныя. Взаимныя различія зеѣхъ этихъ нарѣчій приблизительно соотвѣтствуютъ различію нарѣчій древней Греціи, Испаніи, Англіи и ужъ никакъ не дальше взаимнаго разстоянія нарѣчій древней и новой Италіи, Франціи, Германіи *)... Въ діалектическихъ условіяхъ славянства не было и нѣть никакихъ основаній для предположенія, что образованіе общаго языка должно совершиться иначе, чѣмъ у семи прочихъ европейскихъ народовъ древняго и новаго времени".

Такимъ образомъ логическій ходъ мыслей нашего автора таковъ: у семи народовъ наблюдается въ исторіи образованіе общихъ языковъ; діалектическія и историческая условия восьмого народа, славянскаго, однородны съ таковыми же у семи означеныхъ народовъ; следовательно, образованіе и восьмаго общаго языка также возможно. (Далѣе авторъ показываетъ, что оно уже и началось: таковыемъ языкомъ оказывается русскій, распространеніе котораго у инородныхъ и инославянскихъ народовъ даетъ ему преимущество предъ другими славянскими нарѣчіями и право на название "мироваго" языка). Съ точки зрѣнія логики (формальной) такое заключеніе писомъ нѣнно правильно; но читатель вправѣ спросить: а) дѣйствительно ли доказана тождественность діалектоисторическихъ условій у славянскаго племени и семи другихъ, у которыхъ произошло образованіе общихъ языковъ? б) Если, допустимъ, это доказано, то извѣстна ли такая непреложность историческихъ законовъ, въ силу которой то, что уже произошло въ нѣсколькихъ извѣстныхъ случаяхъ, непремѣнно должно про-

*) Какъ увидимъ ниже, это положеніе въ книгѣ строго не доказано, а скорѣе предложено авторомъ на вѣру читателю...

изойти и въ другихъ аналогичныхъ? Пока не получится удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы, читатель долженъ отнестись къ выводамъ г. Будиловича по неволѣ съ значительной долей недовѣрія и сомнѣнія. Что касается непреложности историческихъ законовъ, то таковая, сколько намъ извѣстно, далеко еще не доказана и все еще составляетъ пока предметъ споровъ *); относительно же тождественности историко-диалектическихъ условій у славянского племени и у семи другихъ, таковая, намъ кажется, недостаточно подробно изслѣдована и доказана нашимъ авторомъ; по крайней мѣрѣ, читатель и послѣ его книги останется въ недоумѣніи, въ самомъ

*.) Извѣстно, что даже самая возможность историческихъ законовъ, въ существованіе которыхъ такъ вѣрилъ Кантъ и настаивалъ Бокль, отвергается многими. Таковъ, напримѣръ, въ русской наукѣ Н. Карбевъ, считающій мнѣніе о существованіи историческихъ законовъ химерическимъ (см. его „Основные вопросы философии и истории“ 1, 17: „исторические законы... нужно будетъ отнести къ области химеръ“). Подобнымъ же образомъ выражается онъ и въ другомъ своемъ сочиненіи „Сущность исторического прогресса“). Изъ иностраннѣхъ ученыхъ приблизительно подобнымъ же образомъ смотрить на дѣло Тейлоръ (см. его „Деисторический быть человѣчества“) Лотце (Микрокосмъ), Мишле (Histoire de la revolution fran aise) и др. Сопоставленіе этихъ лицъ съ защитниками историческихъ законовъ (каковы, напр., кромѣ названныхъ выше, еще Фриманъ въ „Сравнительной политикѣ“, Гартманъ въ „Сущности мирового процесса“, Рохоль въ Geschichte der Philosophie“ приводить изслѣдователей къ убѣжденію, что обѣ историческихъ законахъ говорить еще по крайней мѣрѣ преждевременно. Такъ авторъ новѣйшаго весьма обстоятельнаго „Опыта русской исторіографіи“ г. Иконниковъ (Киевъ 1891 г. т. I, кн. I, стр. 215—216), книга которого составила своего рода эпоху въ исторіи русской науки, пересмотрѣвшіи всѣ вышеуказанныя разнообразныя мнѣнія, приходитъ къ заключенію о необходимости „ограниченія въ пониманіи исторического закона“ и пока лично склоняется къ такому пониманію этого закона, какое высказалъ г. Карбевъ въ своей „Сущности исторического процесса“ (Людскіе поступки, складывающіеся въ события и движенія, возникаютъ изъ своихъ причинъ вполнѣ закономѣрно) и г. П. М—овъ въ „Опытѣ исторіи мысли“ Спб. 1775 г. (Законъ исторіи можетъ заключаться лишь въ рациональномъ объясненіи всего теченія исторіи въ ея прошедшемъ и будущемъ.; законъ исторіи заключается лишь въ необходимой связи событий, сведенной на возможно меньшее число условій...)

(8)

ли дѣлѣ, наприм., одинаковы діалектическія отношенія между славянскими нарѣчіями съ одной стороны, а между нѣмецкими (т. е. собственно нѣмецкими въ тѣсномъ смыслѣ), французскими, испанскими, англійскими и проч., съ другой, или же, быть можетъ, правильнѣе было бы сопоставить славянъ въ этомъ отношеніи не съ нѣмцами въ собственномъ смыслѣ, французами, итальянцами и пр., а съ романцами, германцами (въ широкомъ смыслѣ) и т. п., какъ это и дѣлается нѣкоторыми учеными *): а это значительно уже видоизмѣнило бы положеніе вопроса. Нашему автору слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, долѣе остановиться на взаимныхъ діалектическихъ отношеніяхъ славянскихъ племенъ и, ежели не самому предпринимать изслѣдованіе этого важнаго вопроса, то по крайней мѣрѣ, приведя самыя разнообразныя, существующія по этому вопросу въ ученомъ мірѣ мнѣнія, и по возможности критически разобравшись въ нихъ, прійти уже такимъ путемъ къ сколько нибудь убѣдительному для читателя заключенію. А то книга г. Будиловича, во второй ея части, производить на совершенно не предубѣжденнаго читателя такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ подошелъ къ указанному вопросу уже съ готовыемъ, заранѣе сложившимся у него извѣстнымъ убѣжденіемъ, къ которому и постарался только подогнать историческія явленія и наблюденія. Но такой пріемъ, можетъ быть, и выгодный для автора, напротивъ крайне не выгоденъ для читателя, а для дѣла и просто вреденъ. Вѣдь съумѣль же г. Будиловичъ удержаться на должной научной высотѣ въ первой части своей книги, гдѣ вопросъ о діалектическихъ отношеніяхъ семи главныхъ народовъ Европы изложенъ съ достаточной полнотою и необходимыми научными пріемами, напримѣръ, съ указаніемъ разнообразныхъ существующихъ по данному вопросу мнѣній, приведеніемъ цитать и т.

*) Нѣкоторые изъ рецензентовъ книги г. Будиловича, напр. г. Браунъ въ „Образованіи“ (1892 г. кн. 11) уже и высказались въ такомъ духѣ. Мнѣніе этого послѣдняго тѣмъ болѣе имѣть значенія, что онъ, какъ видно изъ разъясненій, помѣщенныхъ въ его статьѣ, стоитъ *одинаково близко* какъ къ славянскимъ, такъ и къ германскимъ нарѣчіямъ...

п., чего во второй части книги далеко не находимъ въ такомъ видѣ и количествѣ... *) Повторяю, это могло случиться или отъ того предвзятаго взгляда съ которымъ авторъ предпочелъ прямо приступить къ дѣлу, чѣмъ заниматься медленнымъ и тяжелымъ разрабатываніемъ дебелой діалектической почвы, чтобы потомъ получить еще неизвѣстно какую жатву... или, быть можетъ, отъ относительной немногочисленности пособій по славянской діалектологіи, сравнительно, напр., съ діалектологіей германской и особенно романской, изученной, какъ извѣстно, почти окончательно. Такъ или иначе, но, повторяясь, эта сторона труда г. Будиловича насть не удовлетворила, и мы продолжаемъ настаивать, что, къ величайшему нашему сожалѣнію и недоумѣнію, вопросъ о взаимныхъ славянскихъ діалектическихъ отношеніяхъ сравнительно съ таковыми же у романцевъ и германцевъ нашимъ авторомъ не разъясненъ и не раскрыть съ достаточной убѣдительностію, отчего, конечно

*) До какой степени неопределены взгляды г. Будиловича на сущность діалектическихъ междуславянскихъ отношеній, видно, наприм., изъ сопоставленія слѣдующихъ двухъ мѣстъ его книги: „Древніе греки раздѣлены были на множество партий, разнорѣчій и говоровъ, хотя и менѣе различныхъ между собою, чѣмъ славянскіе“ (стр. 9, ч. II). „Взаимныя различія всѣхъ этихъ (славянскихъ) нарѣчій приблизительно соотвѣтствуютъ различію нарѣчій древней Греціи“ (стр. 358 ч. II). Приведемъ еще слѣдующее любопытное мѣсто, высказанное авторомъ тоже, къ сожалѣнію, слишкомъ ужъ догматически: будь эти мысли основательно и научно доказаны, онѣ имѣли бы для рѣшенія поставленнаго авторомъ вопроса народную важность: „въ новоитальянской средѣ нарѣчія ломбардское, тосканское и сициліанское, въ испанской—кастильское, каталанское, галлегское, во французской—ойльское, ронское, прованское, гасконское, разошлись между собою не менѣе русскаго, болгарскаго и польскаго. Если же возьмемъ племя германское, представляющее болѣе сходства со славянскимъ по своей многочисленности, разселенности и исторической разобщенности, то взаимныя отношенія группъ скандинавской, англійской и нѣмецкой—еще дальше взаимнаго отношенія группъ А, Б, В, (т. е. восточной, южной и западной) въ семье славянской. Даже нарѣчія нѣмецкаго материка—нижнія, серединныя, верхнія—отстоятъ другъ отъ друга не ближе, чѣмъ нарѣчія славянскаго востока, юга и запада. Это доказывается и относительная легкость изученія всѣхъ славянскихъ нарѣчій, въ сравненіи съ нѣмецкими. Говоримъ „изученія“, а не пониманія, ибо нечего намъ само

но, долженъ необходимо пострадать и окончательный выводъ автора... Для примѣра возьмемъ хотя бы частичный вопросъ о взаимномъ отношеніи двухъ главныхъ русскихъ нарѣчій—великорусского и малорусского и о соотвѣтствіи такому отношенію въ средѣ западныхъ и южныхъ славянскихъ нарѣчій. Какъ извѣстно, чешскій языковѣдъ Гебауэръ въ своей сводной статьѣ о славянскихъ нарѣчіяхъ, написанной для извѣстной чешской энциклопедіи Ригра и явившейся тогда въ свое время заключительнымъ словомъ науки, призналъ отношенія между указанными двумя русскими нарѣчіями аналогичными отношенію между чешскимъ и польскимъ, сербскимъ и болгарскимъ *). Г. Будиловичъ на 7—8 стр. своей книги (ч. II-я) коснулся тоже этого вопроса, но отнесся къ нему, какъ мнѣ кажется, съ несоотвѣтствующею важности дѣла краткостю и бѣглостью... Онъ, правда, приводить по этому вопросу свое мнѣ-

*) См. таблицу славянскихъ нарѣчій въ его книжкѣ „Славянскія нарѣчія“ рус. переводъ А. Степовицца, Кіевъ, 1882 г.“ Эта же таблица помѣщена и въ книжѣ г. Пиццина „Історія славянскихъ литературу“ изд. 2, часть I, 19 стр. Тутъ же считаемъ умѣстнымъ указать и на мнѣніе филолога Я. Гануша, тоже ставящаго различіе между Великорусскимъ и Малорусскимъ нарѣчіями въ одинъ уровень съ различіемъ между чешскимъ и польскимъ языками. Какъ ни странно на первый взглядъ эти мнѣнія, но съ ними приходится считаться (см., напр., работу г. Гануша „О языку maloruském“ въ изданіи „Slovansky sborník“ Прага 1889 г. и отдельно). Ф. Миклошичъ въ сущности тоже такъ смотритъ на предметъ. М. А. Максимовичъ еще болѣе раздѣляетъ „Сѣверныхъ Руссовъ“ отъ „Южныхъ“ сопоставляя ихъ „Словенамъ сѣверозападныхъ или венденскѣмъ“ и „Юго-западнымъ или Задунайскимъ (?)“. Къ „Сѣвернымъ Руссамъ“ онъ относить Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ, а къ „Южнымъ“—Малороссіанъ и Червоноруссовъ (Собрание сочиненій, ч. III, 7—8 стр.).

оболѣщаются на этотъ счетъ: иныишия славянскія нарѣчія понятны взаимно лишь въ средѣ общей группы и то до извѣстной только степени, при помощи нѣкотораго навыка; нарѣчія же иногруппы, наприм. болгарское для русскаго или чешское для серба, представляютъ при взаимныхъ объясненіяхъ немаловажныя затрудненія. Они могутъ быть устранимы лишь изученiemъ, хотя и не столь продолжительнымъ, какъ при усвоеніи нарѣчія нидерландскаго алеманомъ или фризскаго тирольцемъ (ч. II стр. 10).

ніе, но чужихъ взглядовъ и мнѣній и своей оцѣнки ихъ не указываетъ. Отсюда отсутствіе убѣдительности для читателя, который можетъ и не согласиться съ воззрѣніями автора на предметъ. Вотъ кстати его взглядъ, быть можетъ, и правильный, но недостаточно научно доказанный: „Взаимное разстояніе нарѣчій великорусского и малорусского должно бы быть тождественно съ различіемъ нарѣчій болгарского и сербскаго или чешскаго и польскаго, какъ равностепенныхъ въ классификаціонномъ отношеніи. На дѣлѣ видимъ противное.“ Далѣе слѣдуетъ рядъ соображеній автора, подтверждающихъ эту мысль, едва ли однако же способныхъ разубѣдить противниковъ этого взгляда... *) такъ какъ они изложены недостаточно убѣдительно и слишкомъ догматически, безъ критической пропѣрки данныхъ.

Послѣ этихъ общихъ заключеній, изъ которыхъ явствуетъ, какъ шатко въ сущности предложенное г. Будиловичемъ рѣшеніе вопроса объ общеславянскомъ языкѣ, перейдемъ къ указанію нѣкоторыхъ замѣченныхъ нами промаховъ и ошибокъ, нисколько, конечно, не уменьшающихъ цѣнности этого замѣчательного все таки труда.

Характеризуя сербскую штокавщину (отъ *што=что*, въ противоположность далматинск. *ча=что*, отсюда: чакавщина), авторъ заявляетъ, что особенно замѣчательнымъ въ ней языковымъ явленіемъ представляется „переходъ формы предлож-

*) Вотъ эти соображенія: „Оба русскія нарѣчія представляютъ однѣ и тѣ же основы вокализма и консонантизма, ту же акцентуаціонную систему, ту же ступень морфологического развитія, тѣ же категоріи матеріальныхъ и формальныхъ значеній, тѣ же условія фразеологического и синтаксического сочетанія словъ, за изключеніемъ такихъ второстепеннѣхъ (?) и частныхъ подробностей, какъ конь—кѣнь, бѣда—бїда, меня—мэнэ, Иванъ—Иване! буду читать—читати-му и т. п.

Совершенно другое видимъ во взаимныхъ отношеніяхъ нарѣчій болгарского и сербскаго (далѣе идетъ изчисление различій между этими нарѣчіями, затѣмъ между нарѣчіями польскимъ и чешскимъ). Слишкомъ догматическая утвержденія автора едва ли будутъ, повторю, достаточно убѣдительны для лицъ, держащихся противоположныхъ воззрѣній; это же, конечно, не выгодно и для самого дѣла...

наго падежа множ. числа въ родительный падежъ[“] множ. ч. и приводить при этомъ примѣры: *ято голубовах* или *голубова*, т. е. стая голубей, гдѣ обликъ *голубова*, по его мнѣнію, есть не болѣе не менѣе, какъ предложный падежъ множествен. числа, сдѣлавшійся родительнымъ и въ свою очередь замѣненный обликомъ, общимъ также и для дательного и творительного падежа множественного числа, чѣму и примѣры приведены: к вратима (дат. пад.=къ воротамъ), на зидовима (предложный пад.=на стѣнахъ), съ кралевима (творительн. пад.=съ королями) — (см. 174 стр. ч. II).

Дѣйствительно, такое мнѣніе существовало прежде въ наукѣ, но оно уже давно опровергнуто еще г. Миклошичемъ и по справедливости низведено имъ въ область не особенно счастливыхъ измышеній. Вотъ мнѣніе знаменитаго славяновѣда объ этомъ предметѣ ^{**}): „Окончаніе родит. множ. ч. за исключеніемъ еревыхъ основъ есть *a*, передъ которымъ два согласныхъ раздѣляются ^{**}); въ Черногоріи и по сосѣдству съ нею говорятъ: *ах*, *ах* вмѣсто *a*, и это обстоятельство подало поводъ къ *догадкѣ*, что здѣсь произошло смѣщеніе родительного съ древнимъ мѣстнымъ, въ пользу чего можно сослаться на случаи смѣщенія этихъ падежей. Но противъ этого говорить а) вставка *a* и *и*: ребарахъ, ребѣръхъ, старослав. ребрѣхъ, б) то обстоятельство, что *ах* является также въ мужеск. и сред. родахъ: робахъ, дѣлахъ, робѣхъ, дѣлѣхъ, старославянск. робѣхъ, дѣлѣхъ. При объясненіи должно исходить отъ старославянск. формы *ребрѣ*, серб. *ребар*, къ которой прибавлено *a*, какъ и въ другихъ случаяхъ, наприм. въ *робима*, далѣе въ *на двора=foras*, *у рeda=continuo* и т. д.; *х* явилось изъ мѣстоименнаго или изъ сложнаго склоненія: ихъ, добрыихъ[“]. Мнѣніе Микло-

^{*}) Приводимъ это мѣсто по переводу г. Шлякова „Сравнительная морфология славянскихъ языковъ“ вып. 2, Москва 1385 г. стр. 265—268.

^{**)} Это раздѣленіе происходитъ, какъ извѣстно, помошью вставки *и* для благозвучія: напр. ребара (реберь), сестара (сестерь) и пр. Однако же *зд.*, *ст.*, *шт.* не раздѣляются этой вставкою: узда, а не узада (уздѣ), мѣста, а не мѣсата и пр.

нича находитъ важную поддержку и въ томъ обстоятельствѣ, что хорваты образуютъ родительный пад. множ. ч. согласно съ старославянск. *отац* (=отъцъ) и т. д.; очевидно, что конечный *в* въ этомъ облике у нихъ не успѣлъ еще протянуться въ *а*, какъ у южныхъ сербовъ. Что касается конечнаго *х*, произносимаго очень неясно, придыхательнымъ образомъ, какъ лат. *h*, то на него можно, мнѣ кажется, смотрѣть, какъ на простое придыханіе, тѣмъ болѣе что оно встрѣчается лишь въ немногихъ сербскихъ мѣстностяхъ, преимущественно въ Черногоріи, какъ сказано выше. Самый же переходъ *ъ* и *ь* въ *а* легко объясняется на основаніи общаго звукового закона въ сербскомъ языке, въ силу которого *а* обыкновенно является на мѣстѣ старославянск. *в*: дан (дѣнь), вас, а затѣмъ, по перестановкѣ, *сав* изъ вѣсъ и т. п.

Далѣе (стр. 175) г. Будиловичъ высказываетъ неправильный, по нашему мнѣнію, взглядъ на старую далматическую литературу, обыкновенно называемую дубровницкою, какъ на „подлитературу“ итальянской, сопоставляемую имъ съ разными областными итальянскими подлитературами: пьемонтскою и пр. Едвали это такъ. Дубровницкій періодъ исторіи сербской словесности представляетъ собою столь могучій и яркій разцвѣтъ ея, что невольно вызываетъ изслѣдователя на болѣе глубокія соображенія, чѣмъ на простое признаніе сербскихъ произведеній этого періода „подлитературою“ другой, къ тому же совершенно инородной словесности. Вспомнимъ хотя бы о такомъ въ высокой степени замѣчательномъ поэтическомъ произведеніи, какъ эпосъ Гундулича „Османъ“, по справедливости чрезвычайно высоко цѣненный не только сербскими, но и другими славянскими критиками; русскій цѣнитель г. Романъ Брандтъ, напримѣръ, во многихъ отношеніяхъ ставить эту поэму выше даже Тассова эпоса „Освобожденный Єрусалимъ“ и Камоэнсовой „Лузіады“.*), и мы лично никакъ не считаемъ этотъ взглядъ преувеличеннымъ. Г. Пыпинъ въ своей

*) Историколитературный разборъ поэмы Ивана Гундулича „Османъ“. См. напр. 6 главу.

„Исторія славянскихъ литературъ“ тоже указываетъ на ту высокую оцѣнку, какой удостоивалось это прекрасное произведеніе, и, хотя и не высказываетъ своего собственнаго мнѣнія о его художественныхъ достоинствахъ, но по видимому соглашается съ этой оцѣнкою, такъ какъ лично не дѣлаетъ противъ нея никакихъ возраженій. Произведенія г.г. Юнія Пальмотича и Марина Держича (драматурги), а также Игнатія Джорджича (лирикъ) тоже представляютъ собою нерѣдко выдающіяся литературныя явленія, не уступающія однороднымъ фактамъ Итальянской литературы. Можно ли при такихъ обстоятельствахъ серьезно говорить о „подлитературномъ“ значеніи сербской словесности дубровницкаго периода относительно итальянской? Правда, со стороны содержанія дубровницкая литература представляется часто простымъ сколкомъ съ итальянской или латинской, но во 1-хъ это было не всегда, во 2-хъ, подражательность тогда вообще была въ ходу во всѣхъ литературахъ западной Европы, и общность содержанія во многихъ ихъ произведеніяхъ является для изслѣдователя литературы обстоятельствомъ зауряднымъ; въ третьихъ, какъ уже было выше сказано, произведенія дубровницкой литературы не рѣдко выше и художественнѣе соответствующихъ имъ фактовъ итальянской. Да и вообще самъ по себѣ фактъ заимствованія сюжетовъ для поэтическихъ произведеній одной литературою изъ другой еще не даетъ намъ никакихъ правъ дѣлать выводы о подчиненности одной изъ нихъ, особенно ежели и другая далеко не безгрѣшна въ этомъ отношеніи. Тутъ необходимы нѣсколько иные признаки, о которыхъ самъ же г. Будиловичъ упоминаетъ въ другихъ мѣстахъ своей книги,... иначе придется отнести и такую, напримѣръ, словесность, какъ чешская, къ „подлитературамъ“ нѣмецкой... и вообще очистится мѣсто для множества подобныхъ произвольныхъ построеній... При подобномъ взглядѣ на вещи послѣдовательно было бы также считать, наприм., русскую словесность 18 вѣка „подлитературою“ французской, да и не одну русскую, а едвали не всѣ европейскія литературы въ периодъ полнаго господства въ нихъ французскаго ложноклассизма. А между прочимъ едвали кто нибудь рѣшился на по-

добное крайне рискованное заключеніе... Въ вопросѣ этомъ, намъ кажется, нужно смотрѣть не на то, что по содержанию своихъ произведеній одна литература является сколкомъ съ другой или вмѣстѣ съ нею, сколкомъ съ третьей: даже не на то, что, какъ выражается на стр. 175 нашъ авторъ, „далматинская литература пользовалась обыкновенно (?) латинскимъ и итальянскимъ языками“: нужно наблюдать, въ какой мѣрѣ известная словесность съ ея органомъ—народнымъ языкомъ, удовлетворяла идеальнымъ запросамъ народа, вводила въ свое содержаніе національные предметы, бывала способна на безконтрольное, такъ сказать, владычество надъ народнымъ духомъ, заключала въ себѣ задатки широкаго самобытнаго развитія при стеченіи известныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ въ политической жизни націи. Въ этомъ отношеніи не можемъ не отмѣтить съ глубокимъ удовольствіемъ слѣдующихъ словъ известнаго нашего историка славянскихъ литературъ А. Н. Пыпина (ч. I стр. 179 его книги „Исторія Славянскихъ литерат.): „Что итальянское влияніе, какъ ни было сильно, не было подавляющимъ, выразилось въ томъ, что далматинскіе писатели съ замѣчательной ревностью стремились обрабатывать новое содержаніе именно на народномъ языке, когда имъ представлялся большой соблазнъ воспользоваться вполнѣ доступной имъ латинской или итальянской формой. Народный языкъ явился въ литературѣ въ то же самое время, когда приносились и новые понятія; но литература не увлекается *своими образцами до забвения* условій народности, какъ то часто бывало въ періоды литературныхъ подражаній, напримѣръ въ исторіи французскаго ложно-классицизма: народный сюжетъ, обстановка народной жизни сохраняютъ свою важность для далматинскаго писателя“. Въ самомъ дѣлѣ кто или что мѣшало всѣмъ этимъ Менчетичамъ, Гундуличамъ, Держичамъ и прочимъ далматинскимъ писателямъ, прекрасно владѣвшимъ латинскимъ и итальянскимъ языками, воздѣлывать литературное поле именно на одномъ изъ этихъ языковъ, а не на родномъ языке далматинскихъ сербовъ? Очевидно, народная славянская жизнь слишкомъ сильно заявляла о себѣ и совокупностью современныхъ условій, и силою историческихъ преданій, если всѣ эти

писатели предпочли избрать орудиемъ свей дѣятельности именно славянскій языкъ, а не итальянскій, какъ бы слѣдовало ожидать, ежели бы далматинской словесности суждено было быть только одною изъ итальянскихъ „подлитературъ“, однимъ изъ спутниковъ итальянскаго литературнаго солнца! Это обстоятельство прямо свидѣтельствуетъ о замѣчательной жизнеспособности далматинской литературы, указываетъ на то, что въ ней были всѣ элементы, дѣлающіе изъ извѣстной словесности самостоятельную литературу, хотя иной разъ и маленькую по размѣрамъ ея распространенія, но за то настоящую, самоудовлетворяющуюся, а не просто „подлитературу“ другой, болѣе широкой и счастливой.

На страницѣ 187 (ч. I) мы считаемъ неправильнымъ утвержденіе автора, что языки: ойльскій, португальскій и ломбардскій „объединяены сильной подмѣсью кельтизма“. Ломбардскій языкъ, какъ всѣмъ извѣстно, образовался отъ примѣси къ простонародной латыни одного изъ германскихъ нарѣчий (именно лонгобардскаго, отчасти готскаго), и эта примѣсь, конечно, гораздо сильнѣе той кельтической, какую еще иные (напр. Асколи) допускаютъ въ этомъ нарѣчіи вопреки мнѣнію другихъ; во всякомъ случаю германская примѣсь въ ломбардскомъ нарѣчіи неоспорима. Въ другихъ мѣстахъ своей книги самъ г. Будиловичъ говоритъ именно о значительной (до 10%) примѣси германской стихіи въ языкѣ верхней Италии, слѣдовательно и Ломбардіи (см. напр. 71 стр. 1-й части).

Не знаемъ также, на чёмъ основываетъ авторъ свое утвержденіе на 292 стр. II части о „возсоединеніи съ Москвою Руси Малой, Бѣлой и Новой (?)“ Мы склонны, впрочемъ, видѣть здѣсь простую обмолвку.

Діалектологическая часть книги, по крайней мѣрѣ въ первомъ томѣ, изложена вообще съ достаточной полнотою и обстоятельностью; но и въ этомъ томѣ можно указать нѣсколько такихъ пропусковъ, которые будутъ не совсѣмъ по вкусу взыскательному читателю. Такъ, напримѣръ, онъ не найдетъ въ книгѣ почти никакихъ опредѣленныхъ указаній относительно того, существуетъ ли и въ настоящее время діа-

лектическая словесность кельтическаго Валлиса (въ Британіи) или она окончательно уже замерла; волошская діалектическая литература не разсмотрѣна ни въ отдѣлахъ романскихъ языковъ, ни въ отдѣлѣ славянскомъ, гдѣ могла бы быть изложена, согласно общимъ воззрѣніямъ на предметъ самого автора, хотя бы какъ „подлитература“ славянской по крайней мѣрѣ въ ея древнемъ и среднемъ періодахъ; тѣ двадцать пять строкъ, какія мы находимъ по этому предмету на стр. 116 второй части, мы считаемъ слишкомъ недостаточными... Общеизвѣстна вѣдь вѣковая связь волошского народа со славянами, и отъ автора книги „Общеславянскій языкъ“ читатель былъ вправѣ ожидать болѣе обстоятельнаго изложенія историческихъ и современныхъ судебъ этой столь любопытной и такъ вмѣстѣ съ тѣмъ малоизвѣстной нашему читающему обществу діалектической словесности. Вѣдь у насъ, наприм., почти ничего не знаютъ даже о такихъ связанныхъ съ литературою вещахъ, какъ не особенно давняя замѣна у валаховъ Кирилловской азбуки латинскою, хотя и въ нѣсколько своеобразномъ видѣ, или введеніе народнаго языка въ богослуженіе, вмѣсто прежняго церковно-славянскаго. Такъ или иначе, но читатель много проигралъ отъ того, что всѣ такіе и подобные имъ вопросы волошской подлитературы не нашли себѣ изложенія и соответствующаго ихъ важности объясненія въ разбираемой нами книгѣ.

Въ заключеніе не можемъ не выразить глубокой благодарности автору, взявшемуся за посильное рѣшеніе и изложение столь сложнаго вопроса, какъ вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ его исторической и сравнительной съ другими семью общими языками обстановкѣ. Весьма возможно, что книга его, кстати сказать, изложенная замѣчательно стройно, художественно и логично *), въ своемъ второмъ изданіи, ко-

*) Воть, кстати, общій распорядокъ содержанія разсмотрѣннаго нами замѣчательнаго труда; даже изъ этого распорядка обнаружится до нѣкоторой степени для читателя художественная стройность книги. Первая часть ея состоять изъ предисловія, введенія, заключенія и семи главъ, со-

тораго она несомнѣнно дождется въ близкомъ будущемъ, будеТЬ еще тщательнѣе переработана и дополнена согласно мнѣніямъ и указаніямъ болѣе строгихъ и беспристрастныхъ судей и цѣнителей, которые, конечно, не откажутъ въ своемъ вниманіи къ разсмотрѣнной нами книгѣ. Желательно было бы также прибавленіе къ книгѣ въ будущемъ второмъ ся изданіи отсутствующаго теперь азбуичнаго указателя личныхъ

отвѣтствующихъ числу тѣхъ семи общихъ языковъ, условій образованія которыхъ разсмотрѣны авторомъ въ этой части: греческаго (1—32 стр.), латинскаго (32—69), итальянскаго (70—128), испанскаго (119—177), французскаго (178—254), англійскаго (255—326), нѣмецкаго (327—419). Въ этихъ главахъ приходится, повторюю, удивляться начитанности, обнаруженнай авторомъ по данному вопросу, искусству изученія и изложенія обширнаго материала и необычайной настойчивости въ поискахъ за подлежавшими изученію сочиненіями. Особенной обстоятельностью и дѣльностью отличается изложеніе главы седьмой, что, вѣроятно, произошло отъ наибольшей, сравнительно, разработанности нѣмецкой діалектологіи и исторіи языка. Часть вторая содержитъ въ себѣ пять главъ и послѣдователіе. Первая глава (3—25 стр.) посвящена разсмотрѣнію взаимныхъ діалектическихъ отношеній между славянскими племенами, во второй (26—168) изложено образованіе и судьбы общаго церковно-славянскаго языка, въ третьей (169—236) раскрыто распространеніе сербскаго, чешскаго и польскаго языковъ на площадяхъ смежныхъ славянскихъ нарѣчій, въ четвертой (237—295) представлена картина выступленія русскаго языка въ роли общаго на славянскомъ востокѣ и усиѣхъ его между инославянскими племенами и среди инородцевъ востока, а отчасти на Западѣ Европы; въ пятой главѣ (296—327) изложена исторія теоретической разработки вопроса объ общеславянскомъ языкѣ. Въ послѣдователіи (358—360) авторъ, наставляя на тождество историко-діалектическихъ условій развитія общихъ языковъ у славянъ съ таковыми же у прочихъ семи европейскихъ народовъ, устанавливаетъ „безспорно общий характеръ нынѣшняго русскаго языка на славянскомъ востокѣ“ (462—364 стр.) и решаетъ вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ окончательно въ пользу нынѣшняго книжнаго общерусскаго языка при томъ условіи, конечно, ежели онъ добровольно будетъ принять, какъ таковой, прочими славянами, что, прибавимъ мы отъ себя, главнѣше будетъ зависѣть и отъ самой живучести русскаго языка, его способности совершенствоваться и достигнуть наконецъ возможности стать одинимъ изъ орудій европейской, а слѣдовательно и міровой мысли и гражданственности.

именъ, благодаря которому могутъ быть облегчены для читателя необходимыя въ ней справки: такие указатели въ книгахъ подобнаго рода, т. е. имѣющихъ преимущественно справочное значеніе, являются положительно насущной необходимостию, а не просто предметомъ роскоши, какъ можетъ казаться инымъ.

A. Степовичъ.



200048004



2000

20[°]

НБ НПУ імені М.П. Драгоманова



200018004

B13645

B